

УДК 930.85 (316.7)

Панин А.С.¹

**«ЭТО НЕ МОГЛО НЕ ОТРАЗИТЬСЯ НА НАСТРОЕНИЯХ МЕСТНОГО
НАСЕЛЕНИЯ...»**

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ЧУВСТВА И НАСТРОЕНИЯ В ИСТОРИИ ОБОРОНЫ ТУЛЫ²

Челябинская областная специальная библиотека для слабовидящих и слепых

Panin A.S.

**«THIS COULD NOT HAVE AFFECTED THE MOODS OF THE LOCAL POPULA-
TION...» EVERYDAY FEELINGS AND MOODS IN THE HISTORY OF THE DEFENSE
OF TULA**

Chelyabinsk Regional special library for the visually impaired and the blind

Аннотация: В статье говорится об обороне Тулы с точки зрения некоторых аспектов истории повседневности. Одним из таких аспектов сегодня становится «история чувств». Изучение «повседневного мира чувств» создаёт дополнительное «человеческое» измерение Тульской оборонительной операции в частности и Великой Отечественной войны в целом

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Оборона Тулы, история повседневности, повседневные чувства и настроения, личный выбор

Annotation: The article deals with the defense of Tula from the point of view of some aspects of the history of everyday life. One of these aspects today is becoming a «history of feelings». The study of the «everyday world of feelings» creates an additional «human» dimension of the Tula defensive operation in particular and the Great Patriotic War in general

Keywords: Great Patriotic War, Defense of Tula, history of everyday life, everyday feelings and moods, personal choice

События Великой Отечественной войны (1941 – 1945) со временем не потеряли своего значения, но благодаря временной дистанции несколько изменили масштаб – то, что когда-то было вопросом жизни и смерти сегодня легко находит ответ на страницах школьных

¹ Панин А.С., кандидат исторических наук, редактор ЧОСБСС (Челябинская областная специальная библиотека для слабовидящих и слепых, Челябинск).

² Материалы научно-практической конференции «К 80-летию обороны Тулы: события и герои». ТулГУ 18 февраля 2022 года. Конференция организована при поддержке гранта правительства Тульской области в сфере науки и техники. Постановление Правительства Тульской области от 08.10.2021 № 664. Договор на выполнение работ ДС/289 от 25 октября 2021 г.

учебников, драматические события заменяются перечнем дат, а место исторических исследований нередко занимают мифы на историческую тему.

За фактами и датами хочется увидеть живых участников событий, понять что именно двигало людьми, жертвовавшими самым необходимым, а то и жизнью ради победы, «одной на всех» – но кажется, что и в постсоветское время повторяются утверждения о единодушии всех советских граждан, дружно сплотившихся в годы войны вокруг «Советского правительства, вокруг... славной большевистской партии, вокруг... великого вождя товарища Сталина» [4, с.36].

О единстве советского народа пишут коммунисты одной из районных партийных организаций Тульской области в начале июля 1941 года, через несколько дней после нападения нацистской Германии на СССР. Партийные активисты шлют руководителю Советской страны Иосифу Виссарионовичу Сталину (1879 - 1953) «пламенный большевистский привет» и утверждают: «Трудящиеся нашего района, как весь многомиллионный советский народ, поднялись, как один на разгром взбесившихся гитлеровских собак... За Родину! За любимого товарища Сталина!..» [4, с.36].

Вероятно, товарищу Сталину было приятно получать такие телеграммы, однако реальному положению дел партийные депеши соответствовали не в полной мере. В Тульском крае, сыгравшем в 1941 году важную роль в разгроме «взбесившихся гитлеровских собак», советский народ состоял из очень разных людей, и довольно разным было отношение к начавшейся войне, далеко неоднозначными были «настроения местного населения».

Если предположить, что не все мысли и переживания простых граждан Советского Союза получили отображение в документах, то каждый из отдельных доступных изучению фактов становится показательным, позволяет говорить о «повседневных чувствах и настроениях» Великой Отечественной войны.

История повседневности как самостоятельная отрасль изучения прошлого связана с различными направлениями «историко-антропологического поворота» в гуманитарной мысли, где главным становится понимание прошлого как «истории снизу» [2, с.8].

Обращение к настроениям простых граждан, «история снизу» или «культурная история эмоций», создают «человеческое измерение» Великой Отечественной войны что «помогает нам лучше понять жизненный мир человека ушедшей эпохи как повседневный мир чувств и эмоциональных проявлений» [1, с.170].

Уже через четыре месяца после начала Великой Отечественной, 24 октября 1941 года началась Тульская оборонительная операция, превратившая рабочую Тулу в прифронтовой город. С самых первых дней войны в Тульском крае проходит мобилизация в армию, остав-

шиеся вне призыва привлекаются в состав истребительных батальонов и партизанских отрядов, военная повестка надолго становится главным содержанием повседневной жизни практически каждого. Что думали и чувствовали даже не солдаты, но простые жители Тулы и области, внезапно оказавшиеся на войне?

О «настроениях трудящихся районов области» сообщает Тульский обком ВКП (б) 25 июня 1941 года. Говорится как о мобилизованных в армию: «Настроение военнообязанных хорошее, боевое», так и о невоеннообязанных: «Нездоровых настроений среди рабочих инженерно-технических работников, служащих и домохозяек не наблюдается... На предприятиях отдельные работники и работницы... подают... заявления о добровольном зачислении их в РККА...» [4, с.23-24].

О том что волновало остающихся в тылу «трудящихся районов области» можно получить представление из вопросов, которые они задавали – «интересовались больше всего о положении на фронте», также спрашивали «как будут платить на детей, какое положение будет с хлебом, где можно его купить тому, кто не прикреплен к магазину» [4, с.23].

Как видно и в начале войны мирных граждан волновали вопросы насущные, вместе с тем отношение человека к привычным, повседневным вещам постепенно становится иным чем прежде: «Если бы не пришли немцы, я жил бы да радовался, а сейчас я решил работать не покладая рук... Раньше, когда заходил разговор о смерти, я просил похоронить меня с двумя оркестрами, а сейчас я прошу у смерти отсрочки...» (ГУ ГАТО. Ф.3039. Оп.1. Д.60. Л.60).

Трудовой подъём и большое количество добровольцев в независимости от письменных источников сам по себе может свидетельствовать о росте патриотизма среди населения. В официальных документах встречаются непосредственные слова жителей Тульского края из источников личного происхождения – так один из учащих ремесленного училища подавая заявление пишет в нём: «Прошу зачислить меня добровольцем в армию... Я буду сражаться как Суворов, как Чапаев. Я годами молод, но я большой. Я знаю, что мы победим, но надо победить с меньшими для нас потерями. Я даю слово, что не струшу в бою» [4, с.31].

Неопределённость ситуации, недостаточность информации о происходящем в начале войны порождают и негативные эмоции. Даже в официальные документы попадают свидетельства о массовых страхах и индивидуальном восприятии сложившейся ситуации.

«Настроение среди населения хорошее. Но имеются случаи, когда население создаёт панику, распространяя слухи о том, что где-то около Сталиногорска высадился вражеский десант...» [4, с.31].

Далеко не каждый в Тульском крае считал, что начавшаяся война касается всех и ка-

ждого. «В дер. Горбуново колхозница Ш..., выступая на собрании заявила: "Войны не надо нам"...» [2, с.33]. Тульские крестьяне могли воспринимать войну как наказание за повальную коллективизацию и государственный атеизм: «Колхозница колхоза 1-го мая д. Жуково Стрелецкого сельсовета К... ведёт среди колхозников разговор о том, что Гитлер пошёл войной на СССР потому, что правительство не выполняет его требований о роспуске колхозов и открытии церквей...» [4, с.33]. Не только крестьяне, но и отдельные рабочие полагали, что с немцами воевать не стоит: «рабочий шахты №16 <Г>, в прошлом был в плену в Германии, заявил: "немцы народ хороший, и нам не за что воевать с ними, если мой сын пойдёт в армию, то я ему велю сдаваться в плен" ...» [4, с.60]. О разговоре одной из несоздательных колхозниц сообщил комсомолец с такой же как у женщины фамилией – как видно пример Павлика Морозова оставался живым в рядах партийной молодёжи. Однако и среди партийцев далеко не все горели желанием защищать Родину, например, «член Пленума РК ВКП (б) и член исполкома райсовета К..., который не мог сдерживать бешеной злобы, когда ему сказали, что нужно пойти на фронт, он стал расспрашивать почему именно его посылают, а не кого-либо ещё...» [4, с.33].

Вопреки утверждениям партийных активистов и сторонников советской версии истории, во время войны в массах вовсе не было единодушной поддержки «славной большевистской партии». Так рабочий одной из шахт в лицо коммунисту заявил, что «он пойдёт защищать советскую землю, но не тех, которые сидят в Кремле» ...» [4, с.33].

Пытаясь хотя бы на бумаге создать видимость общей сплочённости под одними коммунистическими лозунгами, партийные органы в официальных документах говорят о том, что индивидуальные мнения исключительны, это «остатки классовых врагов ведут свою подлую агитацию среди населения» – а если какой колхозник «заявлял о своём нежелании идти в армию», то это только потому что он «имеет четыре судимости» (а вовсе не потому, что у него остаются без попечения две сестры) [4, с.33].

Настроения обнаруживающие сомнения в верности курса «советского правительства» в официальных документах чаще всего относились к «антисоветской агитации»: например «отдельные антисоветские разговоры», это когда «кочегар хлебокомбината И..., слушая по радио заявил; "Хлеб отдали Германии, а сами без хлеба, а на нас она войной пошла"...» [4, с.32].

Усиление религиозности в начале войны воспринималось с настороженным недоумением: «следует отметить, что до нападения Германии на СССР, в г. Белёве вообще невозможно было видеть попов, а в первый же день нападения и проведения мобилизации на ул.

К. Маркса в очереди среди домохозяек у магазина был поп в полной парадной одежде...» [4, с.33].

Поп, да ещё при полном параде, выглядел однозначно несоветским и признать, что и он входит в «многомиллионный советский народ» было не просто. Отдельные попадающие в поле зрения проявления религиозности было проще назвать чем-то исключительным или объяснить происками сектантов: «в колхозе «Новый путь» Андреевского сельсовета группа баптистов написала «Святое письмо», которое они пытались разослать бойцам, находящимся на фронте, с целью, якобы если боец будет иметь такое письмо, то его не тронет ни одна пуля...» [4, с.97]. Листочки с молитвами от пуль скорее исключительны для баптистов, зато типичны для русской народной религиозности: ещё в годы Первой мировой (1914 – 1918) «в армии распространялись слухи об избавлении от смерти с помощью молитв, солдат посещали небесные видения» [3, с.484].

В начале Великой Отечественной войны в массах советских граждан желаемого единомыслия не было: то что выдавалось за исключительность на деле встречалось довольно часто, непоколебимая верность коммунистической партии и безусловная поддержка всех идей «великого вождя товарища Сталина» существовали в основном в официальных партийных документах.

Накануне Тульской оборонительной операции в массовых настроениях жителей Тульского края можно обнаружить господствующие убеждения, коллективные страхи, признаки индивидуального мировоззрения, элементы критического мышления, приметы народной религиозности. Со всей очевидностью люди могли выбирать каких именно взглядов им придерживаться. Вместе с тем многое в героических событиях на Тульской земле в начале Великой Отечественной также можно объяснить только личным выбором участников происходящего.

Уже в первые месяцы войны в Тульском крае формируются вооружённые соединения из числа гражданского населения – истребительные батальоны, диверсионные группы, партизанские отряды. С июля по конец декабря 1941 года в Тульском крае было сформировано и направлено в тыл противника 293 партизанских отряда и групп, общей численностью 1794 человека (ГУ ГАТО. Ф.3039. Оп.1. Д.10. Л.2). Ранние формирования и, прежде всего, истребительные батальоны стали основой для Тульского рабочего полка, сыгравшего большую роль в обороне Тулы осенью 1941-го. «Под ружьём» оказались и невоеннообязанные категории населения. Многие из мирных граждан, оказавшись на передовой, проявили подлинный героизм.

Так газета «Московский большевик» в ноябре 1941 года сообщала об обороне Тулы

как о ряде беспримерных подвигов. Героизм обнаруживали не только действия бойцов Тульского рабочего полка, но и поступки, например, санитарок. Об одной из них газета сообщает практически языком голливудских сценариев – отважная девушка не просто вывела и вынесла около пятидесяти раненых что уже само по себе подвиг, но при этом буквально прошла через огонь: «по окопам били танки и миномёты, с пронзительным свистом разлетались осколки, дьявольский фейерверк трассирующих пуль бороздил воздух. Взрывные волны бросали Клавдию оземь, закидывали её в ямы, воронки, в подвалы разрушенных домов. Бесстрашная девушка оставалась неуязвимой. Одного за другим выводила и выносила она раненых бойцов и командиров, умело перевязывала им раны и снова возвращалась в бой» [4, с.212]. Газета, говоря об исключительных поступках девушки-санитарки, тем не менее объявляет их типичными: «Клавдия Чурляева – не исключение...» [4, с.212].

Действия партизанских отрядов и диверсионных групп в тылу противника стали частью Тульской оборонительной операции. Однако оценить насколько значимым оказался вклад партизан и диверсантов в срыв немецкого блицкрига сегодня непросто – до ноября 1941 года в нашей стране вообще не было общей стратегии партизанской войны, от плохо вооружённых групп из вчерашних рабочих и милиционеров требовалось выполнять задачи воинских частей и напрямую противодействовать противнику.

«Первая положительная особенность всё нарастающего партизанского движения в Тульской области состоит в том, что оно, это движение, конкретно помогает наступающим частям Красной армии громить врага, захватывать всё новые и новые города и сёла...» (ГУ ГАТО. Ф.3039. Оп.1. Д.10. Л.5-6).

Организуя партизанское движение органы НКВД Тульской области сообщали о довольно серьёзных потерях противника примерно за три месяца войны. «Партизанскими отрядами и диверсионными группами только по неполным данным уничтожено: танков – 15, штабных автобусов – 2, орудий 6, миномётных батарей 1, автомашин с горючим и боеприпасами 140, повозок с боеприпасами и продовольствием 100, мотоциклов 45, пущено под откос 2 воинских эшелона и истреблено 1600 фашистских солдат и офицеров. В числе трофеев [так в тексте] партизанами захвачено полковое знамя...» (ГУ ГАТО. Ф.3039. Оп.1. Д.10. Л.2).

Здесь хочется отметить, что действия тульских партизан зачастую становились примером личного мужества, нередко участники движения получали боевые награды.

«Командир партизанского отряда тов. Есипов, с небольшим отрядом, уничтожил до 50-ти немецких солдат и офицеров, захватил в плен 2-х офицеров-лётчиков, ротного фельд-

фебеля, 2-х солдат, расстрелял 5 человек предателей, отбил 70 голов крупного рогатого скота, отправляемого в глубокий тыл для германской армии. Тов. Есипов представлен в награде орденом «Красной звезды» ...» (ГУ ГАТО. Ф.3039. Оп.1. Д.10. Л.4). «Небольшой отряд» это полтора-два десятка человек вооружённых старыми «винтовками иностранных систем». При этом «тов. Есипов» не был кадровым военным до войны являясь «председателем облсовета Осоавиахима» [4, с.90].

В многочисленные задачи партизан входило уничтожение предателей и изменников родины, распространение листовок, поджог зданий в которых противник размещался на постоянной. От партизан зависело многое и сами они были многочисленны – что напрямую связывалось с настроением «местного населения».

«Вторая особенность партизанского движения состоит в его массовости. Наши партизаны и агенты разведчики заносили в тыл врага тысячи советских листовок, рассказывали местному населению об успехах Красной Армии на целом ряде фронтов, призывал его к активной борьбе с захватчиками. Всё это не могло не отразиться на настроениях местного населения в оккупированных районах, подняло его на борьбу с фашистским зверьём...» (ГУ ГАТО. Ф.3039. Оп.1. Д.10. Л. 6.).

Сражаться с врагом иногда приходилось голыми руками. Так несколько тульских партизан, действовавших в окрестностях Тарусы (Калужская область), были выданы немцам, их ждал расстрел.

«Не доехав до места казни 0,5 – 1 км. тов. Аксёнов с возгласом: "Большевики никогда не сдаются", набросился на офицера, Шумилин на солдата. Возница в страхе сбежал. Завязалась борьба двух невооружённых смельчаков-большевиков, с двумя вооружёнными до зубов фашистами. Тов. Шумилин вырвал у солдата винтовку, ударил его прикладом. Приклад раскололся. Солдат вырвался и обливаясь кровью отбежал в сторону. Нужно было помочь тов. Аксёнову убить офицера. Стволем винтовки череп офицера был разломлен на двое. В это время в 100 метрах показалась грузовая немецкая машина. Партизаны, схватив пистолеты офицера, побежали. Из машины открыли огонь. Тов. Шумилин был убит, а тов. Аксёнов благополучно добрался к своим, сообщив... сведения о противнике» (ГУ ГАТО. Ф.3039. Оп.1. Д.10. Л. 10).

Действия партизан порой помогали «захватывать города и сёла». Так в декабре 1941 года при наступлении гвардейских частей генерала П.А. Белова на столицу Подмосквового угольного бассейна Сталиногорск (ныне Новомосковск Тульской области) «группа юных патриотов, вооружившись винтовками и гранатами», открыла стрельбу «в самом городе».

«Противник, очевидно, считал, что части Красной Армии обошли город с тыла, начали паническое отступление. Вскоре в город ворвались передовые части Красной Армии. Сталиногорск стал советским...» (ГУ ГАТО. Ф.3039. Оп.1. Д.10. Л. 7).

Приведённые выше свидетельства позволяют говорить о высокой самоотверженности многих простых граждан Тульского края – рабочих, партизан, женщин-санитаров, «юных патриотов» – и о том, что каждый из них, не являясь кадровым военным, должен был сам решать, что значит для него начавшаяся война.

Не имея полной информации о происходящем, не по приказу «сверху» и не под дулами заградительных отрядов очень разные люди самостоятельно принимали решение «никогда не сдаваться» и «конкретно помогать» частям Красной армии.

Таким образом на настроения «местного населения» Тульского края в первые месяцы Великой Отечественной войны влияло множество факторов, официальная риторика была только одним из них и не имела массового влияния. В начале войны радиоприемники были конфискованы, радиоточки имелись далеко не везде, а печатные средства массовой информации быстро устаревали. В результате не столько государственная идеология, сколько личный опыт и мировоззрение конкретного человека, массовые представления и народная религиозность создавали тот «повседневный мир чувств» на фоне которого разворачивались события Тульской оборонительной операции.

Тула выстояла, патриотизм населения оказался не формальным, очень разные мысли и чувства людей в конечном итоге были подчинены единой задаче защиты Родины – не просто по призыву партии, но по зову сердца.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. ГУ ГАТО (Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области»). Ф. 3039. Оп.1. Д.10.
2. ГУ ГАТО (Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области»). Ф. 3039. Оп. 1. Д. 60.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Макарова Н.Н. «Пока живой — писать буду...»: повседневность чувств эпохи Великой Отечественной войны (по материалам личной переписки магнитогорцев) // Новейшая история России. – № 3 (17). – 2016.
2. Пушкарёва Н. Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. – № 4. – 2005.

3. Россия в годы первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. – М., 2014.

4. Тульский край в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. – 1941 год: Сборник документов и материалов / Отв. сост. И.Н. Авдюшкина, отв. ред. Д.Н. Антонов. – Тула: Аквариус, 2016.

REFERENCES (transliteration)

1. Makarova N.N. "Poka zhivoi — pisat' budu...!": povsednevnost' chuvstv epokhi Velikoi Otechestvennoi voiny (po materialam lichnoi perepiski magnitogortsev) // Novei-shaia istoriia Rossii. – № 3 (17). – 2016.

2. Pushkareva N. L. Predmet i metody izucheniia "istorii povsednevnosti" // Etnograficheskoe obozrenie. – № 4. – 2005.

3. Rossiia v gody pervoi mirovoi voiny: ekonomicheskoe polozhenie, sotsial'nye protsessy, politicheskii krizis. – М., 2014.

4. Tul'skii krai v Velikoi Otechestvennoi voine 1941 – 1945 gg. – 1941 god: Sbornik dokumentov i materialov / Otv. sost. I.N. Avdiushkina, otv. red. D.N. Antonov. – Tula: Akvarius, 2016.

Рецензент: Чугунова Н.В., канд. ист. наук, доцент кафедры Истории государства и права Тульского государственного университета.